

80
1109
801-13
483

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

ПОКОЙНАГО ФИЛАРЕТА

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

1868.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПОКОЙНАГО ФИЛАРЕТА,

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО (*).

УЧЕНІЕ ВЪ ТРОИЦКОЙ СЕМИНАРІИ.

Въ коломенской семинаріи учился я до класса философскаго: наставникомъ по этому классу былъ такой человѣкъ, котораго скудость могъ постигнуть и ученикъ даровитый. Я имѣлъ желаніе поступить оттуда въ академію (т.-е. московскую славяно-греко-латинскую), но отецъ мой далъ намекъ, что образованіе въ лаврской семинаріи солиднѣе. Опасеніе мое на счетъ дурнаго содержанія въ этой семинаріи и работъ, какія возлагаются на семинаристовъ, отецъ устранилъ общаніемъ содержать меня на свой коштъ. Дѣло было рѣшено. Въ мартѣ 1800 года прибылъ я въ Лавру. Сначала меня не хотѣли принять прямо въ философскій классъ, потому что лаврская семинарія не хотѣла равнять себя съ другими. Сдѣлали мнѣ экзаменъ: спрашивали изъ логики дефиниціи. Я далъ отвѣты. Вечеромъ пришелъ я вмѣстѣ съ отцемъ къ ректору Ав-

(*) Сія воспоминанія заимствованы изъ записокъ А. Г., который послѣ бесѣды съ святителемъ заносилъ замѣчательное на бумагу.



густину, который тутъ же въ своихъ покояхъ заставилъ меня написать диссертацию на вопросъ: *an dantur ideae innatae?* На это ничего не могъ бы я отвѣчать по урокамъ своего прежняго наставника, но роясь, когда учился въ Коломнѣ, въ книгахъ своего отца, читалъ я учебникъ по философіи Винклера. Тамъ я получилъ объ этомъ вопросѣ нѣкоторое понятіе. И моимъ отвѣтомъ были довольны. Меня приняли въ философскій классъ. Квартирu нанялъ на Переславкѣ рубля за три со столомъ. Но вскорѣ отъ префекта Мельхиседека (*) вышло повелѣніе—ученикамъ не квартировать на этой улицѣ, по причинѣ многочисленности проѣзжающихъ, которые препятствуютъ заниматься. Я поставленъ былъ въ затрудненіе. Мнѣ рекомендовали другую квартиру, лучшую, въ Ильинской слободѣ, но узнавъ, что туда ходятъ большіе семинаристы по знакомству съ хозяевами, и что это знакомство сомнительно, я не согласился перейти туда. Тутъ указали мнѣ квартиру у священника Рождественскаго (**), котораго семейство, какъ я узналъ послѣ, было разстроенное, и самъ онъ съ женою велъ жизнь невоздержную. У него квартировали ученики, выгнанные изъ бурсъ за шалости, и по бѣдности кормились хлѣбомъ, воруя его изъ казны. У нихъ былъ заведенъ такой порядокъ, чтобы каждый понедѣльно кормилъ все общество, которое состояло человѣкъ изъ пяти. Не зная ихъ способа пропитанія, я сталъ съ ними на квартиру. Но чрезъ мѣсяцъ, когда все объяснилось, я не захотѣлъ оставаться съ ними, пришелъ къ префекту, объяснилъ ему свое положеніе и просилъ о принятіи меня на казенное содержаніе со взносомъ денегъ. Но меня приняли и безъ этого условія.

Въ лаврской семинаріи философію училъ молодой іеромонахъ Евграфъ, взятый чрезъ годъ по окончаніи курса изъ префектовъ перервинской семинаріи въ префекта лаврской; въ фило-

(*) Мельхиседекъ Минервинъ былъ префектомъ лаврской семинаріи съ 18 февраля до 6 августа 1800 года. Скончался архимандритомъ Воскресенскаго Ново-іерусалимскаго монастыря въ 1813 году.

(**) Церкви Рождества Христова, въ Сергіевскомъ посадѣ.

софіи онъ не показывалъ достоинствъ хорошаго преподавателя.

Богословіе намъ читалъ отъ вакаціи до святокъ (1801 г.) Августинъ. Отъ него мы получили тетрадку, или двѣ, гдѣ говорилось о книгахъ Св. Писанія, едва ли только не Ветхаго Завета, на латинскомъ языкѣ. Августинъ, приходя въ классъ, приказывалъ ученикамъ часть этихъ записокъ прочитать, перевести на русскій языкъ и прибавлялъ къ этому немногія свои замѣчанія. Когда Августинъ былъ намѣстникомъ, то приходилъ въ классъ обыкновенно на полчаса.

Преемникъ Августина Евграфъ задавалъ списывать отмѣченныя статьи изъ Голлазія, и потомъ такимъ же образомъ прочитывалъ, переводилъ и объяснялъ въ классъ. Общіе намъ съ протестантами трактаты, какъ-то: о Св. Троицѣ, объ искупленіи и т. п., пройдены были порядочно; а другіе, напр. о церкви, совсѣмъ не были читаны. Образованія Евграфъ не имѣлъ стройнаго, хотя увидѣлъ нужду изучать отцевъ и изучалъ ихъ (*).

Лаврская семинарія славилась знаніемъ латинскаго языка. Я засталъ тамъ еще хорошихъ латинистовъ, и между ними Зарѣдкаго. Разъ на одномъ изъ такъ-называемыхъ экстраординарныхъ классовъ, по языкамъ греческому, еврейскому, нѣмецкому и французскому, сидя за бѣлымъ сосновымъ столомъ, написалъ онъ стиховъ 11 на учениковъ пиитики, на которыхъ былъ сердитъ. Стихи вышли довольно правильные. Но отдѣленіе отъ Лавры калужской семинаріи, съ образованіемъ калужской епархіи, и вліяніе ректора Евграфа, который былъ болѣе расположенъ заботиться объ усовершенствованіи въ знаніи русскаго языка, были причиною, что латынь стала у насъ упадать. Въ калужскую семинарію отошли нѣкоторые

(*) Евграфъ Музалевскій-Платоновъ былъ префектомъ троицкой семинаріи съ 7 августа 1800 г. до 6 января 1802 г., а съ сего времени—ректоромъ. Въ началѣ 1809 года определенъ ректоромъ петербургской академіи и въ томъ же году въ ноябрѣ скончался.

лучшіе знатоки латинскаго языка, между прочими Зарѣцкій, въ монашествѣ Леонидъ, въ послѣдствіи бакалавръ с.-петербургской академіи (*).

Жизнь Филарета въ Петербургѣ. Теофилактъ. Леонидъ. Фесслеръ. митрополитъ Амвросій. князь А. Н. Голицынъ. Лавзинъ. Станевичъ. Иннокентій. Сперанскій.

Я поѣхалъ въ Петербургъ въ началѣ января 1809 года. Въ это время были сильные морозы, доходившіе до 30 градусовъ. Дорогой я простудилъ ноги, такъ что и въ поздніе годы чувствовалъ боль въ ногахъ, и по совѣту врача долженъ былъ перѣдко держать ихъ, когда сидѣлъ, въ горизонтальномъ положеніи.

Вскорѣ послѣ того, какъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, ректоръ Евграфъ повезъ меня къ Теофилакту (**). Тотъ спросилъ, чему я учился. Я отвѣчалъ: философіи (***). Онъ вздумалъ сдѣлать мнѣ экзаменъ, спросилъ: что есть истина. Я, знакомый только со старыми Вольфианскими и Лейбницевыми понятіями философскими, отвѣчалъ: истина логическая есть то-то, истина метафизическая то-то. Теофилактъ не удовольствовался, спросилъ: что есть истина вообще? Я затруднился, не зналъ, что отвѣчать. Спасибо ректору: онъ вывелъ изъ замѣшательства

(*) Леонидъ Зарѣцкій изъ учителей философіи и префектовъ калужской семинаріи вызванъ въ концѣ 1808 года на должность бакалавра петербургской академіи по классу словесныхъ наукъ. Скончался на должности ординарнаго профессора академіи въ 1813 году.

(**) Теофилактъ Русановъ, съ 1799 г. епископъ калужскій, былъ членомъ св. Синода и въ 1807 году назначенъ членомъ комитета объ усовершенствованіи духовныхъ училищъ и вмѣстѣ съ Сперанскимъ составилъ проектъ устава духовныхъ академій. Въ 1809 году въ санѣ архіепископа принялъ должность профессора словесныхъ наукъ въ преобразованной петербургской духовной академіи. Скончался въ санѣ экзарха Грузіи. Теофилактъ имѣлъ большую силу въ Петербургѣ въ первые курсы академіи.

(***) Въ троицкой семинаріи Филаретъ былъ учителемъ реторики и поэзіи. По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ сперва былъ опредѣленъ инспекторомъ петербургской семинаріи и профессоромъ философскихъ наукъ съ званіемъ академическаго бакалавра.

шуткою. На этотъ вопросъ, сказалъ онъ Теофилакту, не далъ отвѣта и Христосъ Спаситель. Вопросы Теофилакта перешли къ языкамъ. Узнавъ о знакомствѣ моемъ съ языками древними—еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ, онъ рекомендовалъ непременно учиться и какому-нибудь изъ новыхъ, а въ особенности французскому, увѣряя, что на немъ пишутъ или на него переводятъ все примѣчательное въ наукѣ. Это заставило меня обратиться къ изученію французскаго языка. Можетъ быть, впрочемъ, было бы лучше, еслибы я зналъ нѣмецкій языкъ. Для первоначальнаго чтенія, послѣ ознакомленія съ французскою грамматикою—самоучкою, попались мнѣ сочиненія Шведенборга, которыя, несмотря на совершенное несогласіе съ его направленіемъ, всѣмъ навязывалъ читать Теофилактъ.

О Шведенборгѣ до того я зналъ только изъ Кантовыхъ сочиненій, переведенныхъ на латинскій языкъ, которыхъ переводъ однакожь крайне былъ неудовлетворителенъ. Прочитаешь нѣсколько страницъ,—и голова трещитъ. Тамъ есть статья: *somnia pneumatoptae*, и разсказаны здѣсь извѣстные случаи, въ которыхъ Шведенборгъ показалъ свое знаніе сокровеннаго открылъ, гдѣ найти платежную записку должника, что-то сообщилъ одной княгинѣ шведской, и объявилъ о пожарѣ, въ то время происходившемъ гдѣ-то въ дальнемъ городѣ (*). Послѣ рекомендаціи Теофилактовою читалъ и Шведенборговы чудеса на небѣ, въ адѣ и на землѣ. Впрочемъ немного имѣлъ терпѣнія для знакомства съ ними.

Въ академіи Теофилактъ замышлялъ господствовать чрезъ проэкты. Первая часть его о внутреннемъ управленіи была уже написана; во второй, составленной подъ вліяніемъ Теофилакта, было сказано, что вышнее академическое правленіе состоитъ изъ членовъ внутренняго и изъ членовъ конферен-

(*) Объ этомъ говорится въ I главѣ второй части означенной статьи, помѣщенной въ четвертомъ томѣ сочиненій Канта, которыя переведены на латинскій языкъ Борномъ.

ціи. Митрополиту не дали никакого вліяння на ви́шнее академическое правленіе, тогда какъ подчинили ему семинарскіи правленія, которыя должны были входить съ представленіями къ своимъ архіереямъ, въ томъ числѣ и с.-петербургское—къ митрополиту, а эти представленія съ резолюціями митрополита пересматривались и могли быть отвергаемы въ академическомъ правленіи. Леониду, моему товарищу, который занимался эстетикою, состоялъ подъ руководствомъ Теофилакта и былъ къ нему близокъ, я говорилъ объ этой несообразности, и старался показать нелѣпость такого порядка. Но онъ увѣрялъ, что это сдѣлано только на время: «вотъ будетъ Теофилактъ митрополитомъ, все перемѣнится». Однакоже я настаивалъ, чтобы ви́шнее академическое правленіе было поставлено въ должныя отношенія къ епархіальному преосвященному. Теофилактъ, поддерживаемый Сперанскимъ, былъ свѣтскаго на- правленія чело́вѣкъ, и корыстолюбивый чело́вѣкъ. Какая бы порча была для цѣлой церкви, еслибы такой чело́вѣкъ былъ первымъ митрополитомъ!

Къ партіи Теофилактовой принадлежалъ товарищ мой Леонидъ, бывшій бакалавромъ въ академіи по классу словесности. Это тотъ самый Леонидъ, котораго Фесслеръ называетъ своимъ врагомъ. Причина неудовольствія между ними была вотъ какая: Леонидъ былъ на классѣ словесности; читалъ онъ Бутервека, котораго переводъ досталъ, кажется, изъ университета. Но встрѣчающіяся тамъ понятія изъ Кантовой философіи для него оказались непостижимы. Студенты были недовольны, когда имъ не объясняли непонятныхъ выраженій. Онъ старался объяснить, но неудовлетворительно; ходилъ къ своему покровителю Теофилакту. Тотъ спрашивалъ: какъ онъ объясняетъ? и получивъ отвѣтъ, говорилъ: и мнѣ такъ кажется. Но студенты все-таки этимъ не удовлетворялись. Когда былъ Фесслеръ, студенты чрезъ него познакомились съ новою терминологіею философскою; имъ стали понятны и лекціи Бутервека, и они чаще стали ходить къ Фесслеру. Вотъ причина зависти со стороны Леонида. Онъ позавидовалъ и мнѣ,

и первую мою проповѣдь на Пасху назвалъ одою. Но митрополиту Амвросію она понравилась, и онъ припомнивъ, что я часто говорилъ проповѣди въ Лаврѣ, совѣтовалъ мнѣ заниматься этимъ болѣе здѣсь. Для этого самъ назначилъ мнѣ и день (Троицынъ) и тему (о дѣйствіяхъ Св. Духа). Я отказывался по трудности предмета, но митрополитъ сказалъ: напиши, какъ можешь. Я приготовилъ, представилъ ректору Сергію (*); тотъ прочиталъ, послалъ меня съ пею къ митрополиту, который выслушалъ и приказалъ произнести въ церкви. Когда явился я въ соборъ лаврскій и вошелъ въ алтарь, Теофилактъ подозвалъ меня къ себѣ и спросилъ,—не я ли проповѣдникъ нынѣ,—попросилъ прочитать проповѣдь и тутъ же прочиталъ ее. Въ свое время проповѣдь была произнесена. Послѣ обѣдни жившіе въ Лаврѣ и служащіе и нѣкоторые изъ свѣтскихъ пришли къ митрополиту. А. О. Лабзинъ (**) между разговоромъ почему-то привелъ въ подтвержденіе слова изъ слышанной имъ въ тотъ день проповѣди. При этомъ Теофилактъ возразилъ: а что вы думаете? нынѣшняя проповѣдь отзывается духомъ пантеизма. Какъ пантеизма? спросилъ митрополитъ. Теофилактъ не отступился отъ своего отзыва, и только по усильному убѣжденію митрополита замолчалъ. Послѣ обѣда однакоже, когда гости пошли въ садъ, и ректоръ Сергій называлъ меня пантеистомъ, я приступилъ къ нему и объяснилъ, что легко ему налагать крестъ на молодого чело́вѣка, безъ поддержки, безъ связей. Но прошу замѣтить, при-

(*) Сергій Крыловъ-Платоновъ, воспитанникъ и учитель, потомъ прѣфектъ троицкой семинаріи. Филаретъ, какъ ученикъ той же семинаріи, состоялъ подъ начальствомъ Сергія, потомъ, по окончаніи курса, былъ ему сослуживцемъ въ теченіи шести лѣтъ. Сергій переведенъ былъ въ московскую славяно-греко-латинскую академію и изъ ректоровъ оной въ ноябрѣ 1809 года опредѣленъ ректоромъ петербургской академіи, послѣ Елѣаза. Скончался въ 1824 году въ санѣ архіепископа разанскаго.

(**) Александръ Федоровичъ Лабзинъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, издатель «Сіонскаго Вѣстника», былъ конференцъ-секретаремъ академіи художествъ и директоромъ департамента морскаго министерства. Скончался въ 1825 г. О немъ рѣчь будетъ далѣе.

бавилъ я, что если пантеистъ я, то не одинъ. Читалъ эту проповѣдь митрополитъ, читали и вы. Итакъ мы всѣ трое будемъ пантеисты. Ректоръ Сергій передалъ объ этомъ разговоръ митрополиту. Тотъ вытребовалъ проповѣдь къ себѣ и послалъ ее со мною къ Мееодію тверскому, тогда славившемуся и ученостію и твердостію въ догматахъ церковныхъ (*). Тотъ письменно отозвался митрополиту, что проповѣдь «достойна сановитаго наставника и ничего противнаго православію не содержитъ». Послѣ того начали толковать въ Синодѣ, чтобы проповѣдь напечатать; брали ее на разсмотрѣніе и Голицынъ и Сперанскій. И какъ всѣмъ она была одобрена, то и была напечатана. Послѣ этой исторіи митрополитъ предложилъ мнѣ еще приготовить на какой-нибудь день проповѣдь, которую могли бы слушать и Голицынъ и Сперанскій. Я написалъ: это была проповѣдь, помнится, на 4-е воскресенье по Пятидесятницѣ изъ текста: *оброцы грѣха смерть*. И вскорѣ послѣ этого я былъ Высочайше награжденъ крестомъ съ драгоценными камнями (**).

Еще до поступленія моего въ ректора академіи, Теофилактъ началъ готовить къ изданію въ свѣтъ и уже печаталъ эстетическія разсужденія Ансильона, которыя были переведены студентами академіи. Мнѣ не хотѣлось, чтобы на нихъ стояло имя студентовъ. Это была бы первая книга, первый плодъ академіи преобразованной, и заключала бы въ себѣ такъ много несогласнаго съ направлениемъ, приличнымъ духовной академіи. Напримѣръ, тамъ есть разсужденіе о томъ, какъ христіанство возвысило достоинство женщины (***). Есть и другіе

(*) Мееодій Смирновъ, воспитанникъ, потомъ ректоръ троицкой семинаріи, и затѣмъ — московской славяно-греко-латинской академіи. Былъ тверскимъ архіепископомъ съ 1804. Въ 1814 г. переведенъ въ Псковъ и здѣсь въ 1815 году скончался.

(**) Всѣ три проповѣди — и на Пасху, и на Троицынъ день, и на 4-ю недѣлю по Пятидесятницѣ произнесены въ 1811 году, когда Филаретъ былъ бакалавромъ академіи и іеромонахомъ. Намеренный крестъ онъ получилъ 30 іюня 1811 года.

(***) Смотри въ приложеніи примѣчаніе Филарета къ 178 стр. книги Ансильона.

намекы политическаго свойства. Мнѣ указывали на эти недостатки многіе даже свѣтскіе люди. Я объяснилъ это митрополиту: тотъ говорилъ Теофилакту. Теофилактъ не соглашался оставить дѣло, не соглашался и выпустить книгу въ свѣтъ безъ имени студентовъ академіи. Тогда я досталъ листы и долженъ былъ написать на книгу свои замѣчанія. Въ это время мое положеніе было дурно. За меня былъ только митрополитъ, но съ нимъ въ комиссіи (дух. училищъ) не было никого. Князь Голицынъ держался Теофилакта. Сперанскій, назначенный въ комиссію духовныхъ училищъ, для организованія учебныхъ заведеній, видя, что князь пользуется особенною довѣренностію Государя, старался всячески быть съ нимъ въ согласіи. Оберъ-священникъ также. Сознавая это свое положеніе, я говорю Иннокентію (*): «вотъ какое мое положеніе! Въдь очень можетъ случиться, что меня отсюда выгонять». Что же? отвѣчалъ Иннокентій, лишь бы за правду. Мои примѣчанія на Ансильона повели къ опроверженію ихъ съ противной стороны, и просто къ ругательствамъ на меня (**).

Вліяніе на академію удерживалъ Теофилактъ потому, что взялъ на себя руководствовать классъ словесности въ новой академіи, такъ что онъ пересматривалъ сочиненія студентовъ послѣ наставника. Когда ректоръ Сергій хотѣлъ было требовать отъ студентовъ, чтобы они по этому классу написали проповѣдь, то Леонидъ, по внушенію Теофилакта, объявилъ ректору: пусть напередъ читаетъ ихъ онъ, ректоръ, потомъ будетъ читать Леонидъ, наконецъ — Теофилактъ. Ректоръ объ-

(*) Иннокентій Смирновъ — воспитанникъ троицкой семинаріи, гдѣ потомъ въ одно время съ Филаретомъ былъ учителемъ. Въ 1811 году переведенъ въ петербургскую академію бакалавромъ церковной исторіи. Въ 1813 году определенъ ректоромъ петербургской семинаріи. Скончался въ 1819 году въ санѣ епископа пензенскаго.

(**) Разсужденія Ансильона вышли подъ заглавіемъ: „Эстетическія разсужденія Ансильона. Пер. съ франц. студентами Сиб. духовной академіи, подъ руководствомъ Теофилакта, архіепископа рязанскаго. Сиб. въ типографіи Іоаннесона 1813 г.“ Замѣчанія Филарета на эту книгу помѣщаемъ въ приложеніяхъ (№ 1).

явилъ, что онъ этого не допустить; прежде всѣхъ долженъ читать ихъ наставникъ для цензорованья съ литературной стороны, потомъ ректоръ—съ богословской стороны, а дальше, если захочетъ, Теофилактъ. Но на это не согласились: и отъ того цѣлые два года студенты не писали проповѣдей (*).

Теофилактъ старался привлекать къ себѣ публику въ Петербургѣ своими проповѣдями, которыя отличались странными особенностями; напримѣръ онъ въ проповѣди говорилъ о картинахъ, на которыхъ изображалась Божія Матерь, любилъ дѣлать намеки на современность. Въ проповѣди на миръ, помнится, съ Швеціею, приведши слова изъ Іереміи: *мудрый да не хвалится мудростію своею* (9, 23), и проч., дѣлалъ намеки на наши неудачи. Разсуждалъ въ проповѣдяхъ о политикѣ. Разъ ввелъ онъ въ свою проповѣдь изображеніе чело-вѣка престарѣлаго, обремененнаго службою, изъ-за котораго управляетъ дѣлами молодой чело-вѣкъ: это намекалъ онъ на митрополита Амвросія и на меня. Слухи объ этомъ ходили повсюду, такъ что я рѣшился донести объ этомъ митрополиту и указалъ ему способъ къ прекращенію такихъ проповѣдей на будущее время, именно напомнилъ ему 20-е правило VI вселенскаго собора, которымъ воспрещается проповѣдывать въ чужой епархіи. Тотъ предложилъ это указаніе самому Теофилакту въ св. Синодѣ, и Теофилактъ въ самомъ дѣлѣ пересталъ проповѣдывать.

Ректоръ Сергій—чело-вѣкъ честный—хотя былъ искрененъ съ митрополитомъ, но не хотѣлъ и не могъ ссориться и съ Теофилактомъ: однакоже тяготился своимъ отношеніемъ къ нему, и называлъ его именемъ Бріана, французскаго епископа, тогда известнаго. Когда открылись вакансіи въ Тамбовѣ и въ Костромѣ, Сергій сталъ проситься, чтобы перемѣнили его состояніе. Митрополитъ предложилъ въ Синодѣ назначить рек-

(*) Въ отвѣтъ митрополита Филарета на адресъ с.-петербургской духовной академіи, представленный ему въ день его юбилея, сказано между прочимъ: „случай борьбы между катедрами богословія и словесности сдѣлался причиною того, что студенты слишкомъ мало занимались сочиненіями.“

тора академіи въ Кострому. Голицыну не хотѣлось этого, для того, чтобъ академіи дать болѣе созрѣть подъ смотрѣніемъ одного начальника, и чтобы болѣе успѣлъ приготовиться другой. Однакоже уступилъ настояніямъ митрополита. Въ ректора академіи митрополитъ назначилъ меня, Теофилактъ съ своей стороны предложилъ своего—Леонида. Правда, что мы оба были того не достойны и не готовы къ такой должности. Однакоже сдѣлали меня. Сергій, по рукоположеніи, утѣшая меня говорилъ: увѣряю тебя, ты сбудешь этого Бріана. «Гдѣ мнѣ сбыть? хотя бы самаго куда не заслали». Нѣтъ! Ты непременно его сбудешь: я видѣлъ во снѣ; онъ выйдетъ въ среду.

Паденіе Теофилакта началось съ того, что послѣ 12-го года его послали для обзрѣнія епархій, подвергшихся разоренію непріятельскому. И онъ точно выѣхалъ въ среду. Послѣ того, хотя онъ возвратился еще въ Петербургъ, но уже не жилъ въ Лаврѣ, а на подворьѣ, и менѣе пользовался вліяніемъ на дѣла.

Преосвященный Теофилактъ былъ уже на епархіи. Вышла моя книга по церковно-библейской исторіи. Я рѣшился послать къ нему экземпляръ при письмѣ, въ которомъ объяснялъ, что этотъ трудъ начался тогда, когда еще онъ простиралъ свое вниманіе къ академіи. Онъ отвѣчалъ благосклонно, и прибавилъ: между учеными людьми могутъ быть несогласія и споры, но ссоръ не должно быть.

Вліяніе Фесслера на своихъ учениковъ было обширно. Я помню, одинъ студентъ вышелъ изъ академіи безъ вѣры въ Искунителя, какъ Бога. Я ему при окончаніи курса не посо-вѣтовалъ идти въ духовное званіе, и онъ дѣйствительно вышелъ въ свѣтское; теперь уже и умеръ. Это былъ чело-вѣкъ не безъ ума, но гордый.

Фесслеръ изгнанъ послѣ того, какъ подалъ конспектъ по древностямъ восточной церкви, гдѣ между прочимъ помѣстилъ выраженіе, что богослуженіе наше слагается изъ двухъ элементовъ: лирическаго и драматическаго. Конспектъ этотъ, писанный на латинскомъ языкѣ, поручено было ректоромъ Сер-

гіемъ (я жилъ подъ его покаями, и онъ по милости своей кормилъ меня) перевести мнѣ, тогда инспектору. Въ послѣдствіи при постигшемъ Сперанскаго несчастіи (который и былъ причиною вызова Фесслера) нашли у него тетрадь руки Фесслеровой: *de transitu orientalis in occidentalismum*, гдѣ онъ доказывалъ, что Іисусъ Христосъ есть не болѣе, какъ величайшій философъ. Даже въ предисловіи къ проповѣди, говореной имъ, когда уже онъ былъ суперинтендентомъ, раскрывалъ онъ мысль, что никогда не измѣнялъ онъ своего образа мысли о Іисусѣ Христѣ. Вотъ какого человека взяли для академіи! (*)

Митрополитъ Амвросій говорилъ, что, вступивъ на митрополию новгородскую послѣ Гавріила, нашель въ академіи (до ея преобразования въ 1808 г.) очень много невѣровъ. Я думалъ сначала, что это было говорено по нѣкоторому раздраженію, между ними существовавшему, но въ послѣдствіи и самъ въ томъ убѣдился. Преосвященный Амвросій чувствовалъ тяжесть своего положенія; онъ былъ не по душѣ партіи не церковнаго направленія, во главѣ которой стоялъ Теофилактъ, и которая всячески старалась его раздражить и довести до того, чтобы онъ хотя слово сказалъ о желаніи удалиться на покой. Но онъ стоялъ непреклонно, и оказалъ услугу церкви тѣмъ, что не сдвинулся съ своего мѣста, потому что церкви угрожало очень вредное направленіе, еслибы водворился на митрополиі Теофилактъ. «Не самъ я поставилъ себя, говорилъ Амвросію, не могу самъ себя и снять съ своего поста». Крѣпко онъ задумывался самъ съ собою. Случалось мнѣ, приходя ежедневно съ донесеніями о благосостояніи по семинаріи, какъ

(*) Докторъ правъ Игнатій Фесслеръ былъ профессоромъ восточныхъ языковъ въ львовскомъ университетѣ. Въ 1840 году вызванъ Сперанскимъ для занятія катедры еврейскаго языка въ петербургской академіи и определенъ въ ней профессоромъ философіи. Катедру однако занималъ только пять мѣсяцевъ съ февраля по іюль и былъ уволенъ. По Сперанскій далъ ему мѣсто въ комиссіи о составленіи законовъ. Фесслеръ скончался суперинтендентомъ саратовской евангелической консисторіи.

инспектору, заставать его погруженнымъ въ такія размышленія. Сдѣлаетъ онъ вопроса два-три, да и замолчитъ: только сидитъ, да вздыхаетъ. Такое положеніе мое было, что готовъ былъ провалиться сквозь землю.

Въ 1814 году, когда Императоръ по возвращеніи изъ-за границы намѣренъ былъ прислать сосуды митрополиту Амвросію, меня заставили писать рескриптъ. А митрополитъ Амвросій, не зная того, меня же потомъ просилъ написать благодарственную рѣчь Императору по этому случаю.

Послѣ окончанія II курса прихожу я съ наставниками къ Амвросію послѣ благодарственнаго молебна, чтобы принять благословеніе на отдыхъ. Онъ говоритъ мнѣ: посмотри, что я пишу. Онъ писалъ представленіе о томъ, чтобы меня сдѣлать епископомъ. Я отвѣчалъ: «если вы хотите имѣть меня орудіемъ своихъ дѣйствій, если я вамъ угоденъ, да будетъ воля ваша. Если же хотите наградить меня епископствомъ, то это не награда, а подвигъ. Наградами же я почтенъ превыше моихъ заслугъ». Ну, ужъ это не твое дѣло, сказалъ митрополитъ.

Митрополитъ Амвросій сталъ проситься на покой вслѣдствіе неудовольствія Императора Александра на то, что онъ устроилъ себѣ ризницу обшитую горностаемъ изъ покрова, бывшаго на гробѣ царской дочери. Императоръ узнавъ, что митрополитъ въ такомъ облаченіи ходилъ 6 января (1818 г.) на воду, приказалъ сказать, что горностай присвоенъ только лицамъ царской фамиліи, и что митрополиту онъ это прощаетъ только по его старости. Этотъ случай огорчилъ Амвросію, и онъ подалъ въ отставку. При удаленіи онъ потерпѣлъ въ Невской Лаврѣ такіе же неудовольствія, какія Гавріилъ отъ него, какъ это видно по письмамъ Гавріила, которыя самимъ Амвросіемъ переданы мнѣ, и которыя хранятся въ Троицкой Лаврѣ. Удаляясь въ Новгородъ, Амвросій хотѣлъ было взять съ собою нѣсколько портретовъ изъ своихъ келлій, между прочимъ портретъ князя Голицына. Но экономъ ему сказалъ: «портреты ваши, владыко святой, а рамки-то казенныя.»

Князь Александръ Николаевичъ былъ мой благодѣтель, но я позволялъ себѣ не во всемъ соглашаться съ нимъ. Когда я былъ ярославскимъ (архіепископомъ), однимъ изъ членовъ татариновскаго общества была издана книга о скопцахъ. Тутъ говорилось о внутреннемъ живомъ словѣ, котораго надлежало искать только въ ихъ обществѣ. Книга издана въ пользу бѣдныхъ. Князь прислалъ мнѣ ея 10 экземпляровъ для распространенія. Я заплатилъ 10 рублей, но отказался распространять ее и собственноручно написалъ князю, что не могу этого сдѣлать по такимъ-то и такимъ-то мѣстамъ, въ книгѣ находящимся. Князь былъ недоволенъ, при встрѣчѣ былъ холоденъ. Я объяснилъ, что, какъ церковный человѣкъ, не могъ я иначе поступить. Князь возразилъ: «одна часть хороша, другая не годится,—вы бы исправили». Я рѣшился такъ поступить, не снесшись тогда съ митрополитомъ Михаиломъ (*), потому что въ своихъ отношеніяхъ къ нему мало я былъ увѣренъ. Онъ, по вступленіи на митрополию, хотѣлъ меня послать въ Каменецъ-Подольскъ. Я говорилъ, что еще нисколько не тягочусь своимъ положеніемъ (викарія), готовъ послужить въ этомъ званіи еще, но если ваше высокопреосвященство имѣете кого другаго въ виду и желаете меня отпустить отъ себя, для меня слишкомъ много того, что назначаете меня на второклассную епархію. Я буду доволенъ и третьеклассною. Такъ онъ дѣло это и оставилъ. Но я все не былъ увѣренъ въ немъ. Послѣ однакоже я сообщилъ Михаилу, что писалъ по дѣлу о той книгѣ. Владыка Михаилъ отвѣчалъ, что и онъ далъ такой же отзывъ.

Голицына сильная партія (Аракчеевъ, митрополитъ) рѣшилась низвергнуть. Немаловажнымъ дѣятелемъ въ ней былъ Магницкій (**). Когда митрополитъ Серафимъ поѣхалъ во дво-

(*) Михаилъ Десницкій митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій; послѣ Амвросія пожалованъ митрополитомъ въ 1818 году; скончался въ 1821 г.

(**) Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій въ 1801 году служилъ при русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ, потомъ въ Парижѣ; послѣ былъ начальникомъ экспедиціи департамента министерства внутреннихъ дѣлъ; въ 1810 году по плану Сперан-

рецъ просить Государя объ удаленіи Голицына изъ министерства духовныхъ дѣлъ, Магницкій не сходилъ съ площади, чтобы видѣть, долго ли Серафимъ будетъ во дворцѣ, и по этому заключать объ успѣхѣ или безуспѣшности замысла, и повѣстить своихъ. И когда удалось митрополиту, Магницкій пѣлъ молебень въ церкви подлѣ князя. Хотѣлъ было потомъ идти, по прежнему, въ домовую церковь князя, но не былъ туда допущенъ. Впрочемъ князь не помнилъ зла: въ послѣдствіи этотъ самый Магницкій пользовался его благодѣянiami. Да и князь ничего не потерялъ въ довѣренности у Государя, и не питалъ вражду противъ церкви. Долго онъ не сходилъ вмѣстѣ съ митрополитомъ, но разъ,—когда пріѣхалъ въ Петербургъ князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, и были всѣ трое во дворцѣ,—Александръ Николаевичъ просилъ Сергія Михайловича помирить его съ митрополитомъ. Тотъ съ своей стороны отвѣчалъ, что не имѣетъ противъ князя никакой вражды. Тогда князь Александръ Николаевичъ подошелъ къ митрополиту, и съ тѣхъ поръ стали снова встрѣчаться свободно. И князь помогалъ потомъ церкви въ нѣкоторыхъ важныхъ дѣ-

скаго получилъ мѣсто статсъ-секретаря въ государственномъ совѣтѣ, а на другой годъ—орденъ св. Анны 4-й степени. Въ мартѣ 1812 года въ одинъ день съ Сперанскимъ высланъ изъ Петербурга и поселенъ въ Вологду; въ 1816 году, въ одно время съ Сперанскимъ, возвращенъ на службу и опредѣленъ вице-губернаторомъ въ Воронежъ; черезъ годъ переведенъ въ Симбирскъ на должность губернатора; въ началѣ 1819 года уволенъ отъ должности и опредѣленъ членомъ главнаго правленія училищъ; въ юнѣ того же года получилъ мѣсто попечителя казанскаго университета, но жилъ въ теченіи шести лѣтъ, пока занималъ эту должность, въ Петербургѣ; въ маѣ 1826 года уволенъ отъ службы и отправленъ на житье въ Ревель подъ надзоръ мѣстнаго начальства; послѣ перемѣщенъ въ Одессу, гдѣ и умеръ въ 1844 году. (О Магницкомъ записки Панаева въ *Вѣстникѣ Европы* 1867 г. т. IV.) Знаменитый юрьевскій архимандритъ Фотій въ своей автобіографіи пишетъ, что митрополитъ Серафимъ, послѣ предварительнаго свиданія съ Императоромъ Александромъ во дворцѣ въ понедѣльникъ Пасхи 1824 года, былъ приглашенъ во дворецъ 17 апрѣля въ 7 часовъ вечера и бесѣдовалъ съ Государемъ до полуночи. Во время этой бесѣды рѣшена была судьба князя Голицына. Фактъ, что Магницкій сторожилъ за митрополитомъ, когда онъ былъ во дворцѣ, передается и въ запискахъ Панаева (стр. 84).

лахъ, напимѣръ въ дѣлѣ о монашествѣ. Безъ него едва ли бы мы устояли.

Заслуги А. Н. Голицына въ отношеніи къ церкви были очень значительны. Онъ отвращалъ отъ церкви такіа распоряженія правительства, которыя могли быть и для него и для нея весьма вредны. Въ 1810 или 1811 г. онъ возсталъ противъ узаконенія, которымъ предоставлялось свѣтской власти право расторгать супружества; узаконеніе было внесено въ составленное тогда Сперанскимъ законодательство. И это былъ первый опытъ его преній въ комитетъ министровъ.

При Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, уже по сложеніи званія оберъ-прокурора и министра народнаго просвѣщенія, Голицынъ искуснымъ оборотомъ отвратилъ изданіе закона о недозволеніи вступать въ монашество ранѣе 40 лѣтъ. Журналъ съ резолюціею Императора былъ переданъ оберъ-прокурору для распоряженія, какъ привести его въ исполненіе. И дѣло устроено такъ, что изданъ законъ, болѣе прежняго облегчающій поступленіе въ монашество мужескому полу (*).

Въ первое время управленія князя Голицына и въ послѣдствіи много потрудился на духовно-литературномъ поприщѣ Александръ Федоровичъ Лабзинъ: онъ былъ добрый человѣкъ, только съ нѣкоторыми особенностями во мнѣніяхъ религіозныхъ. Издавая *Сіонскій Вѣстникъ* за свѣтскою цензурою (всѣ книги, въ послѣдствіи запрещенныя и отобранныя, пропускалъ Тимковскій), обращалъ вниманіе на доброе, а дурнаго не всегда понимали. Мы говорили ему: сколько прекрасныхъ вещей, которыя бы можно было печатать съ пользою для другихъ, не касаясь этихъ особенностей! Но онъ отвѣчалъ: всякая птица своимъ голосомъ Бога хвалить. Князь Голицынъ запретилъ *Сіонскій Вѣстникъ*. Лабзинъ принялъ это съ христіанскою покорностію. Но послѣ того Голицынъ, сдѣлавшись

(*) Мужчина, желающій поступить въ монашество, долженъ имѣть не менѣе 30 а женщина—не менѣе 40 лѣтъ. Свод. Закон. Т. IX Зак. со ст. 240. Но окончившій курсъ богословія и вдовымъ священнослужителямъ дозволено принимать постриженіе и въ 25 лѣтъ. Указъ 1832 г. мая 29.

болѣе внимателенъ къ религіи, выхлопоталъ ему орденъ и возобновеніе журнала, только чтобъ онъ издавался съ одобренія духовной цензуры. Лабзинъ говорилъ: врагамъ моимъ меня отдали. Иннокентій возревновалъ противъ этого журнала, написалъ къ князю письмо, въ которомъ говорилъ: вы нанесли рану церкви, вы и уврачуйте ее. Меня въ ту пору не было въ Петербургѣ; я былъ въ объѣздѣ для обозрѣнія семинарій. Князь Голицынъ пріѣхалъ къ митрополиту Михаилу съ письмомъ Иннокентія: «вотъ что пишетъ вашъ архимандритъ.» Митрополитъ призвалъ къ себѣ Иннокентія. Тотъ отвѣчалъ, что дѣйствуетъ по сознанію справедливости. Митрополитъ успѣлъ однакожь увѣрить его, что нужно особенное призваніе для такого рѣшительнаго дѣйствованія, и заставилъ съѣздить къ князю съ извиненіемъ. Изданіе *Сіонскаго Вѣстника* однако не пошло (*).

Александръ Федоровичъ былъ въ сношеніяхъ съ Татариновой. Она имѣла мужа въ арміи, и чтобы быть къ нему ближе, жила въ западныхъ губерніяхъ. Тамъ она познакомилась съ обществомъ скопеческимъ. Скопечество казалось ей мерзкимъ, а другихъ обрядовъ, какъ-то круженій, она держалась. Она принадлежала къ протестантскому исповѣданію. Возвратившись въ Петербургъ, присоединилась къ православной церкви. Князь Александръ Николаевичъ къ ней ѣздилъ. Послѣ появился у нихъ какой-то пророкъ, изъ бѣдныхъ чиновниковъ, которому князь далъ ленту (**).

(*) «Сіонскій Вѣстникъ» началъ выходить съ января 1806 года, но сентябрѣмъ того же года изданіе окончилось. Возобновилось оно въ 1817 году съ апрѣля и окончилось июнемъ 1818 г. См. «Русскій Архивъ» годъ IV, стр. 832—834.

(**) Архим. Фотій въ своей автобіографіи пишетъ: «г-жа Татаринова (Еваторина Филипповна) жила въ Михайловскомъ дворцѣ. Князь А. Н. Голицынъ былъ во всемъ ей споспѣшникъ. Къ ней собирались духовные и мірскіе. Въ жилищѣ ея, близъ дворцовой церкви, былъ Святой Духъ у ней написанъ. По ночамъ собирались у ней и днемъ дѣвочки и прочія, и дѣйствовали, какъ нѣкое священное дѣйство свое, обычай круженія дѣлать, вертѣлись, падали потомъ на землю отъ безумія; демонъ же входилъ въ нихъ, производилъ предсказанія, и потому называлась секта сія пророковъ и пророчицъ. Пѣты были разныя пѣсни и стихи,

Въ 1818 году представлена была въ цензуру книга Станевича: Бесѣда на гробѣ младенца. Здѣсь и Фенелонъ былъ названъ змѣемъ, и противъ божественной философіи Дютуа были нападенія: между тѣмъ эта книга (т.-е. божественная философія) переводилась и печаталась на счетъ Государя, или на счетъ Голицына, не помню. Съ этимъ Станевичемъ видѣлся я разъ у Иннокентія. Бесѣдовали они о чистой любви; Станевичъ отвергалъ ее и говорилъ: я готовъ идти въ Сибирь, только бы запрещено было это ученіе. Я ему сказалъ: вотъ вы, жертвуя собой ученію, дѣйствуете именно по чистой любви, которую отвергаете. Книга была напечатана, и мнѣ доставленъ былъ экземпляръ предъ святками. Только на праздникъ вдругъ является курьеръ отъ Голицына. Спрашиваетъ о книжкѣ. Я отвѣчалъ, что, кажется, не важная, пустая. Нѣтъ, говоритъ, этого мало; въ ней то-то и то-то. Не знаю, кто читалъ книгу; въ ней загнуто много угловъ. Я прошу позволенія: дайте, говорю, время; мы посмотримъ, нельзя ли дѣло поправить. Объявляю о тревогѣ Иннокентію. Онъ ничего не беспокоится: лишь бы, говоритъ, за правду. Объявляю митрополиту Михаилу и представляю ему экземпляръ книги, прошу прочитать и сказать, что найдетъ нужнымъ замѣтить. Митрополитъ согласился. Но проходитъ день, другой,—ничего не читалъ. Наконецъ я попросилъ позволенія самъ читать ему. Онъ началъ непрестанно возражать: это не годится, другое не годится. Нѣтъ, говорю я, такъ нельзя. Если такъ, то надобно будетъ перепечатать съ половину книги. Но между тѣмъ, какъ мы совѣщались, какъ поправить дѣло,—вышло запрещеніе на книгу. Узнали мы объ этомъ въ Крещенье, во дворцѣ (въ 1819 г.) (*).

безъ толку сочиненные, гдѣ духовное съ плотскимъ было смѣшано, и болѣе имѣло плотское, любодѣйное, нежели иное, понятіе. Она же была зловѣрїя лжехристіанскаго, раскола лютеранскаго; священникъ же ее поминалъ муромъ противу всѣхъ запрещеній митрополита Михаила и присоединилъ къ церкви православной, дабы удобнѣе въ сѣбѣ свои ловить православныхъ.

(*) Книга Евстафія Станевича имѣетъ полное заглавіе: Бесѣда на гробѣ мла-

Тогда стали искать мѣста Иннокентію. Назначили его въ Оренбургъ. Но еще до его отъѣзда изъ Петербурга, открылась вакансія въ Пензѣ. Сталъ говорить митрополитъ, чтобы перемѣстить Иннокентія сюда. Но князь Голицынъ, можетъ-быть по раздраженію противъ него, отвѣчалъ, что еще не бывало примѣра, чтобы епископа, еще не прибывшаго въ епархію, перемѣщали на другую. Но митрополитъ самъ выпросилъ у Государя дать Иннокентію другое назначеніе. Митрополитъ дѣйствовалъ чрезъ Софію Мещерскую, женщину благочестивую, которая была близка къ Государю.

Нѣсколько словъ о Сперанскомъ. Въ статьѣ Лонгинова я замѣтилъ ту вѣрную черту, что Сперанскій любилъ слишкомъ симметрію. Созидая какой-нибудь законъ, проектъ, онъ тотчасъ дробилъ предметъ, ставилъ точки, и думалъ, что уже все сдѣлано, когда намѣнялъ главные пункты. О содержаніи мало заботился. Когда составилъ онъ Сводъ законовъ, то разсылалъ во всѣ вѣдомства для просмотра, но въ Синодъ не присылалъ подлежащихъ частей, а нарочито укрывалъ ихъ отъ него. Оттого вышло, что изъ устава о попечительствахъ духовнаго званія, писаннаго мною, взяты не только постановленныя тамъ правила, но составлены особенные пункты и изъ предварительной исторической части устава, гдѣ говорилось о прежнихъ мѣрахъ къ содержанію бѣднаго духовенства. И это сдѣлано даже безъ согласенія противорѣчій съ собственными правилами устава. Сперанскій съ увеличительнымъ стекломъ самъ читалъ послѣднюю корректуру Свода законовъ, а этого не замѣтилъ.

денна о безсмертіи души, тогда токмо утѣшительномъ, когда истина онаго утверждается на точномъ ученіи вѣры и церкви. Сиб. 1818 г. Иннокентій, бывшій тогда ректоромъ петербургской семинаріи, одобрилъ ее 3-го сентября 1818 года. Книга написана противъ лжемистиковъ. Голицынъ представилъ ее съ замѣчаніями Императору Александру, и 6 января 1819 года книга была запрещена (см. приложеніе № 2.) По указомъ Императора 17 ноября 1824 г. была вновь разрешена къ напечатанію, и второе изданіе ея вышло въ 1825 году съ означеніемъ на заглавномъ листѣ: «Второе изданіе. По Высочайшему повелѣнію.» (Указъ см. въ приложеніи № 3.)

О ПЕРЕВОДѢ СВЯЩЕННАГО ПИСАНІЯ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

Первымъ переводомъ Новаго Завѣта занимались такъ: Евангеліе Іоанна переводилъ я, прочихъ евангелистовъ переводили Моисей, Григорій, Кириллъ, (*) только не помню, кто какого евангелиста; а въ комитетѣ разсматривали: Михаилъ, Серафимъ, я, Поповъ, Александръ Ѳеодоровичъ Лабзинъ....

Послѣ я имѣлъ отъ Государя Императора Николая Павловича утвержденіе своего мнѣнія о переводѣ Св. Писанія.

Когда еще св. Синодъ былъ въ Москвѣ по случаю коронаванія Государя Императора, были у меня нѣкоторые неудовольствія съ преосвящ. Серафимомъ и съ преосвящ. Евгеніемъ (митрополитомъ кievскимъ). Преосвящ. Серафимъ прежде былъ ко мнѣ расположенъ, а тутъ неудовольствіе вышло изъ-за катихизиса. Можетъ быть, мои нѣсколько горячія объясненія усилили его. Преосвящ. Евгеній замѣтилъ мнѣ, что въ катихизисѣ адъ названъ темнымъ мѣстомъ. Я отвѣчалъ, что въ церковныхъ пѣсняхъ говорится: сонедъ во адъ и тамо сущую тму раззоривъ. Разсуждали, не нужно ли будетъ вновь написать катихизисъ, однакожъ рѣшили только поправить написанный и поручить это мнѣ же.

Когда послѣ того пріѣхалъ я въ Петербургъ, преосвящ. Серафимъ встрѣтилъ меня такими словами: если вы будете настаивать на продолженіе перевода Св. Писанія, я выйду въ отставку. Я отвѣчалъ, что переводъ былъ бы полезенъ для церкви, потому что наши духовные не столько еще образованы, чтобы могли въ нужныхъ случаяхъ обращаться къ са-

(*) Моисей Платоновъ-Богдановъ съ 1814 до 1817 года былъ бакалавромъ церковной словесности при петербургской академіи; скончался въ санѣ экзарха Грузіи въ 1834 году. Григорій Постниковъ (въ послѣдствіи митрополитъ новгородскій) съ 1814 г. былъ бакалавромъ, съ 1816 г. инспекторомъ, съ 1819 до 1825 г. ректоромъ петербургской академіи. Кириллъ Богословскій-Платоновъ съ 1814 до 1817 года былъ бакалавромъ церковной исторіи при петербургской академіи; скончался въ санѣ архіепископа подольскаго. Первое изданіе Н. Завѣта на русскомъ языкѣ вышло въ 1819 г.

мымъ подлинникамъ, но должны обращаться или къ латинскимъ, или къ протестантскимъ переводамъ, составленнымъ подъ вліяніемъ своихъ догматическихъ мнѣній, что можно было бы это дѣло производить не такъ поспѣшно, какъ доселѣ дѣлалось, но съ большею осмотрительностію, что сдѣланный переводъ подписали такіе-то и такіе-то наши пастыри, которыхъ нельзя подозрѣвать въ неправомыслии. Впрочемъ, прибавилъ я, не дошелъ я до такого безумія, чтобы считать служеніе вашего высокопреосвященства излишнимъ для церкви.

Въ это время поступилъ отъ Государя Императора въ св. Синодъ представленный ему проэктъ объ улучшеніи духовнаго управленія. Здѣсь сказано было много невыгоднаго о тогдашнемъ состояніи дѣлъ русской церкви, напримѣръ, что Синодъ самъ не знаетъ положенія церкви, что никакихъ ревизій въ епархіяхъ не производится, а Синодъ только разсматриваетъ поступающія въ него дѣла. И много было говорено объ опущеніяхъ на различныхъ частяхъ управленія церковнаго, между прочимъ и въ училищахъ. Не знаю, кто писалъ этотъ проэктъ. Но при докладѣ о немъ преосвящ. Серафимъ сказалъ: знаю я, кто его писалъ. Я, имѣя въ виду неудовольствіе, полагая, что не будутъ со мною искренни, и потому не спросилъ, кто же именно писалъ. Только передъ этимъ вышелъ изъ Синода Павловъ, такъ что первую бумагу при мнѣ докладывалъ Ханьковъ объ увольненіи Павлова (*). Докладчикъ предложилъ, что такъ какъ проэктъ весьма обширенъ и требуетъ разсмотрѣнія многихъ предметовъ, то не угодно ли будетъ членамъ предварительно прочесть его, съ тѣмъ, чтобы при общемъ слушаніи предложить свои замѣчанія. Всѣ на это согласились, и тогда же мнѣ дали читать его. Я увидѣлъ, что хотятъ учредить надъ церковію какую-то протестантскую консисторію изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ,

(*) Алексій Алекс. Павловъ былъ чиновникомъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ св. Синодѣ.

подъ тѣмъ предлогомъ, что настоящіе члены Синода обременены дѣлами епархіальнаго управленія, предлагаютъ набрать новыхъ, свободныхъ. Зналъ я, что Государь былъ характера сильнаго и имѣлъ желаніе прекратить разныя злоупотребленія, вкравшіяся въ послѣдніе годы царствованія Александра, когда управлялъ дѣлами Аракчеевъ, и потому опасался, что если Синодъ не сдѣлаетъ основательнаго отвѣта на проектъ и не изберетъ своихъ мѣръ къ улучшенію церковнаго состоянія, то будутъ приняты предложенныя: проектъ могъ поправиться. Вотъ я и рѣшился написать свою записку о проектѣ, для предложенія прочимъ членамъ. Въ ней доказалъ я, что дѣйствительно Синоду не исполнѣ известно внутреннее состояніе епархій, что онъ назначалъ ревизіи только по поводу злоупотребленій; но это на будущее время можно устранить назначеніемъ повременныхъ ревизій, не по очереди, а по усмотрѣнію св. Синода. Члены спросили при чтеніи: кто же будетъ ревизовать вашу епархію? Я отвѣчалъ: а вотъ на примѣръ преосвященный Евгеній поѣдетъ на свою епархію, — пусть ему поручить св. Синодъ это дѣло, и если преосвященный найдетъ какой-нибудь у меня недостатокъ, я буду ему очень благодаренъ; а если найдетъ во всемъ порядокъ и представитъ начальству, мнѣ будетъ пріятно. Изъ замѣчаній о недостаткахъ той или другой епархіи можно будетъ извлечь наставленіе и для другихъ епархій. Я замѣтилъ, что если сочинитель проекта находитъ неудобнымъ поручать обзоръ дѣлъ синодальныхъ нынѣшнимъ членамъ Синода, то и новые, по неопытности и незнанію дѣлъ внутренняго управленія, равно не будутъ способны. Такъ разсмотрѣлъ я всѣ пункты проекта и старался доказать, что не пужно прибѣгать къ особеннымъ мѣрамъ для исправленія дѣлъ синодальныхъ.

Здѣсь между прочимъ нужно было коснуться и перевода Св. Писанія. Я изложилъ то же, что говорилъ преосвященному Серафиму. Записка была прочтена. О переводѣ снова изъявилъ несогласіе преосвящ. Серафимъ. Несмотря на то, положено было представить ее Государю, какъ мнѣніе одного

изъ членовъ Синода. Еслибы Государь и не одобрилъ, Синодъ не потерпѣлъ бы пораженія, представляя только частное мнѣніе. Государь прочиталъ и написалъ «справедливо.» Послѣ говорилъ мнѣ А. Н. Голицынъ: что же вы не настояли на своемъ мнѣніи о переводѣ Св. Писанія? Я отвѣчалъ, что не хочу производить раскола въ церкви.

по поводу изданія такъ-называемыхъ патріаршихъ грамотъ.

Примѣчательно, что Нилъ отдаетъ справедливость русской церкви предъ греческою (*). Напримѣръ онъ указываетъ на то, что св. Синодъ сдѣлалъ исправленіе при переводѣ патріаршихъ грамотъ, именно въ членѣ объ Евхаристіи, гдѣ было написано, «что причащаясь частицы тѣла Христова, приемяю Всего», а вмѣсто этого въ русскомъ переводѣ сказано: «приемяю Единого, раздробляемого и нераздѣляемого.»

Графъ Протасовъ отыскалъ эти грамоты въ Синодѣ, вмѣстѣ съ грамотою объ утвержденіи св. Синода. Я не зналъ, что онѣ тамъ находятся. Напечатать послѣднюю мнѣ казалось хорошимъ, какъ дающую законность нашему церковному правительству и показывающую, что и Петръ, отлучившійся любовью къ преобразованіямъ, нашелъ нужнымъ обратиться за утвержденіемъ сего преобразованія къ церковной власти. Въ первыхъ же я нашелъ вліяніе латинскаго ученія. Странное дѣло. Даже таинство мѣропомазанія тамъ названо съ латинскаго: *βεβαίωσις*. Поручено было перевести и исправить мнѣ. Я читалъ исправленное членамъ св. Синода. Всѣ были на то согласны: только, не знаю почему, преосвященный Іона говорилъ, что лучше бы не печатать (**). При этомъ мною опущенъ одинъ изъ отвѣтовъ на вопросы о Св. Писаніи, помѣщенныхъ на концѣ послѣ грамоты.

(*) Книга Нила: A History of the Holy Eastern Church. By the John Neale. Lond. 1850.

(**) Іона экзархъ Грузіи и членъ св. Синода.

Когда я былъ въ Петербургѣ, я былъ свидѣтелемъ многихъ событій, которыя не всѣмъ доступны были. И началъ было я писать записки о томъ, что мнѣ было извѣстно, и написалъ порядочную тетрадь. Но потомъ увидѣлъ, что мнѣ не все было извѣстно, и сожегъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

Отрывки изъ Ансильйона съ присовокупленіемъ примѣчаній, показывающихъ духъ сего автора (*).

Слова автора:

Стр. 3. Совокупность представленій, или лучше, всѣ бытія и существа, внѣ меня находящіеся, и отъ меня не зависящіе, словомъ, вселенная, заключающая все, есть безконечное.

Примѣчаніе. Въ семъ положеніи авторъ хотѣлъ, повидимому, дать первое понятіе, или нѣкотораго рода опредѣленіе *безконечнаго*; и потому, еслибы хотѣлъ вести своего читателя къ понятіямъ чистымъ и вѣрнымъ, долженъ былъ здѣсь наипаче изъясниться вразумительнымъ и опредѣленнымъ образомъ, какъ въ такомъ мѣстѣ, которое служить ключемъ къ дальнѣйшему разсужденію о его предметѣ. Но слова его представляютъ въ себѣ такое смѣшеніе понятій, въ которомъ различныя понятія приняты за тождественныя и истинныя совокуплены съ ложными. Авторъ думаетъ, или говоритъ, будто *совокупность представленій* значитъ то же, что *всѣ бытія и существа, внѣ меня находящіеся, и отъ меня не зависящіе* и что все сіе можно назвать иначе *вселенною*. Но что сіи выраженія отнюдь не тождественныя, сего не нужно и доказывать. Если отдѣлить изъ словъ его сіе положеніе—*совокупность представленій есть безконечное*,—то можно будетъ ду-

(*) Примѣчанія сіи, по и-рученію начальства, написаны по случаю изданія на руссійскомъ языкѣ книги: *Эстетическія разсужденія Ансильйона*. Послѣку въ заглавіи сего перевода находится имя духовной академіи, то надобно было показать и то, что академія не безъ разбора пріемлетъ мудрованія сего писателя.
Д. А. Р. (Духовной академіи ректоръ).

мать, что безконечное здѣсь принимается въ смыслѣ *идеальномъ*. Но когда взять слѣдующее за симъ его положеніе: *всѣ бытія и существа, внѣ меня находящіеся, и отъ меня не зависящіе, суть безконечное*: то подумаешь, что здѣсь описывается безконечное *существенное*; потому что *идеальное* безконечное не можетъ быть названо *бытіемъ* и *существомъ*,—а такимъ образомъ все сіе положеніе оказывается ложнымъ; потому что изъ всѣхъ бытій и существъ, внѣ меня находящихся, *безконечное* въ смыслѣ *существенномъ* есть одинъ Богъ, а прочія существа, и порознь, и совокупно, принадлежать къ понятію *конечнаго*. Наконецъ положеніе: *вселенная, заключающая все, есть безконечное*, если авторъ думалъ произнести въ смыслѣ *идеальномъ* и *эстетическомъ*, то былъ обязанъ ограничить свое изъясненіе: а безъ ограниченія, всего легче оно можетъ быть принято въ обыкновенномъ *существенномъ* смыслѣ, и въ такомъ случаѣ отзывается *напѣвизмомъ* или даже *натурализмомъ*. Подозрѣніе сіе превращается въ прискорбную увѣренность, когда, обратясь къ началу сего сочиненія, читаемъ слѣдующія слова: *изъ числа философовъ, предпринимавшихъ разрѣшить великую проблему о свойствахъ существъ и о происхожденіи вещей, многие начинали свои умозрѣнія отъ безконечнаго, чтобы посредствомъ сего доходить до конечнаго*. Здѣсь ясно видно, что безконечное принимаетъ авторъ за начало всѣхъ вещей; слѣдовательно положеніе—*вселенная, заключающая все, есть безконечное*, значитъ то, что вселенная сама есть начало вещей въ ней существующихъ: слѣдственно авторъ не хочетъ знать никакого существа, не зависящаго отъ вселенной, высшаго вселенной, сотворшаго вселенную.

Слова автора:

Стр. 4. Вселенная и Богъ составляютъ такое цѣлое, къ которому не можно ничего прибавить, которое соединяетъ все, содержитъ все; внѣ сего цѣлаго нѣтъ бытія, нѣтъ вещественности; внѣ его нѣтъ ничего возможнаго.

Примѣчаніе. Еслибы вселенная и Богъ составляли *цѣлое*, то Богъ былъ бы *частью* какого-то цѣлаго, Богъ безъ вселенной былъ бы нѣчто неполное и недостаточное; и нельзя изчислить нѣлѣпостей, которыя за симъ послѣдуютъ.

Но еще должно замѣтить, что переводъ не соответствуетъ въ семъ мѣстѣ подлиннику, съ котораго надлежитъ оное читать отъ слова до слова такъ: *вселенная и Богъ, Богъ безъ вселенной, вселенная безъ Бога, всегда суть цѣлое, къ которому не можно ничего прибавить*, и проч. Какое въ сихъ словахъ богатство противорѣчій и нелѣпостей, если хотя мало разобранъ ихъ! *Богъ безъ вселенной есть цѣлое, къ которому ничего прибавить не*

можно; какими же образом автор тут же прибавляет къ сему цѣлому вселенную: «вселенная и Богъ есть цѣлое?» «Вселенная безъ Бога есть цѣлое, къ которому ничего прибавить не можно, которое соединяетъ все, содержитъ все»; если такъ, то къ чему служить понятие о Богѣ? И если авторъ здѣсь не заблуждается, то не заблуждаютъ ли уже тѣ, которые понятие міра безъ Бога находятъ недостаточнымъ, и составляютъ изъ сего доводъ о бытіи Божіемъ?

Можно еще здѣсь сослаться на сужденіе переводчика. Ибо для чего выпустилъ онъ важныя въ союзѣ авторскихъ мыслей слова, *Богъ безъ вселенной, вселенная безъ Бога*, ежели послѣднія изъ сихъ словъ не безбожны? Если же онѣ таковы, то какъ можно довѣрять и всей невразумительной и сбивчивой системѣ такого автора, у котораго найдена мысль безбожная? И можно ли спокойно видѣть такую книгу въ рукахъ воспитанниковъ благочестія?

Слова автора:

Стр. 8. Представляя собою мыслиція существа, входяція въ составъ безконечнаго цѣлаго, мы не можемъ не подлежать его сокровенному и тайному на насъ дѣйствию.

Примѣчаніе. Точнѣе съ подлинника сіе мѣсто читать надлежитъ такъ: *будучи разумными частями безконечнаго цѣлаго, мы никогда не можемъ исхитить себя изъ-подъ его дѣйствій тайнаго и сокровеннаго.* Какое это безконечное цѣлое, котораго мы есмы разумныя части? Не то ли, которое на греческомъ называютъ *παν παν*, и отъ котораго получили свое имя *πανθενсты*? Авторъ выше сказалъ, что и вселенная вмѣстѣ съ Богомъ, и Богъ безъ вселенной, и вселенная безъ Бога, всегда составляютъ цѣлое, къ которому ничего не можно прибавить: котораго изъ сихъ трехъ видовъ цѣлаго мы есмы части? Части ли мы вселенной, взятой вмѣстѣ съ Богомъ? или части Бога безъ вселенной? или части вселенной безъ Бога? Что ни выбери, выберешь нелѣпость.

Здѣсь опять можно спросить, для чего переводчикъ ослабилъ выраженіе подлинника? Безъ сомнѣнія, онъ чувствовалъ сіи нелѣпости подлинника, и хотѣлъ отъ нихъ избавиться на счетъ точности перевода.

Слова автора:

Стр. 25. Это согласіе (согласіе искусствъ, а особливо музыки и поэзіи съ религіею) столько же полезно для наукъ, какъ и для религіи, содѣйствовало успѣхамъ первыхъ и утвердило царство послѣдней.

Примѣчаніе. Итакъ царство религіи утверждено музыкою, поэзіею и другими искусствами? Сколько мысль сія обидна для религіи, пусть почувствуютъ читатели религіи.

Слова автора:

Стр. 28. Религія въ чистѣйшемъ и высочайшемъ своемъ знаменованіи есть не что иное, какъ отношеніе конечнаго къ безконечному.

Примѣчаніе. Авторъ на стр. 3-й сказалъ, что *конечное—это и, а вселенная есть безконечное.* Посему настоящее положеніе, въ которомъ содержится опредѣленіе религіи, можно произнести такъ: религія есть отношеніе человѣка ко вселенной. Гдѣ же Богъ? Да сохранить насъ Богъ отъ религіи Ансильоновой!

Слова автора:

Стр. 38. Она (истинная таинственность) не утверждаетъ и не отрицаетъ того, что превосходитъ сферу нашего разума.

Примѣчаніе. Если такова подлинно истинная таинственность, то желательно было бы слышать отъ автора, что думаетъ онъ о той таинственности, которая рѣшительно пріемлетъ и утверждаетъ превосходящую сферу нашего разума таинства единого Бога въ Троицѣ, искупленія и проч.?

Слова автора:

Тамъ же. Она (истинная таинственность) любитъ созерцать существа конечныя ея окружающія, но когда представляется безконечное, она предъ нимъ благоговѣетъ и хранитъ молчаніе.

Примѣчаніе. Полнѣе съ подлинника: *Она хранитъ молчаніе о мірѣ невидимомъ, хотя и допускаетъ его бытіе; она любитъ существа конечныя, ея окружающія, и служитъ имъ; но когда дѣло идетъ о безконечномъ, она благоговѣетъ и безмолвствуетъ.* Если истинная таинственность, такъ какъ угодно автору, хранитъ молчаніе о мірѣ невидимомъ, то конечно хранить она молчаніе и о душѣ, и объ ангелахъ, и о будущей жизни въ мірѣ невидимомъ, и о Богѣ, по словамъ Символа Вѣры, *Творца невидимыхъ.* Если она любитъ только существа конечныя, и только имъ служитъ, а предъ безконечнымъ только благоговѣетъ и безмолвствуетъ, то едва ли позволить ей г. Ансильонъ любить Бога и служить Ему. Вотъ подлинно истинная таинственность. А иной добрый христіанинъ подумаетъ, что это тайна нечестія!

Слова автора:

Стр. 47. Ихъ (большей части людей) свобода есть только средство, сближающее съ ними полезные и пріятные предметы: такимъ образомъ духовное и возвышенное въ человѣкѣ подчиняется грубому и низкому.

Примѣчаніе. Последняя половина сей рѣчи противъ подлинника ослаблена и сокращена. Истинный переводъ долженъ быть сей: то, что есть божественнаго въ природѣ человѣческой, подчинено тому, что есть въ ней земное и грубое: Богъ употребляетъ животныхъ человѣкомъ на дѣла самыя низкія. Изъ взаимнаго соображенія трехъ предложеній видно, что одно и тоже въ первомъ изъ нихъ называется свободою, во второмъ божественнымъ, а въ третьемъ Богомъ. Не употребилъ ли здѣсь самъ авторъ имя и понятіе Бога на дѣло низкое? Что это такъ, въ томъ опять можно сослаться на переводчика, который не осмѣлился произнести богохульную рѣчь автора въ переводѣ такъ, какъ она есть въ подлинникѣ.

Слова автора:

Стр. 50. Законъ нравственный не требуетъ героизма.—Героизмъ есть совершенное безкорыстіе.

Примѣчаніе. Изъ сихъ двухъ предложеній выходитъ то слѣдствие, что законъ нравственный не требуетъ *безкорыстія*; или что тоже: для исполненія нравственнаго закона довольно дѣлать добро изъ *корысти*. Вотъ нравственность не христіанская, ниже философская, но, если можно такъ сказать, купеческая, или торговая.

Слова автора:

Тамъ же. Кто можетъ презирать все, приводящее въ трепетъ толпы народа, кто сдѣлавшись холоднымъ ко всему, что лично до него касается, умѣлъ посвятить всего себя какому либо одному великому предмету: тотъ есть истинный герой, каковъ бы ни былъ предметъ его дѣятельности.

Примѣчаніе. Допустимъ на минуту сіе опредѣленіе героя, и посмотримъ, какія оно влечетъ за собою послѣдствія.

Геростратъ умѣлъ посвятить всего себя одному великому предмету обезсмертить свое имя въ потомствѣ; дабы достигнуть сей цѣли, онъ презрѣлъ все, приводящее въ трепетъ толпы народа, именно религію своего народа; сдѣлавшись холоднымъ къ тому, что существенно до него касалось, поелику не дорожилъ честію

и жизнію; и сжегъ бывший чудомъ свѣта храмъ Артемиды, рѣшась погибнуть, но погибелію сохранивъ свою память. По ученію Ансильона, Геростратъ былъ истинный герой.

Н. (т.-е. Наполеонъ) умѣлъ посвятить себя всего одному великому предмету—создать всеобщую монархію и для достиженія сего предмета, онъ презираетъ все, приводящее въ трепетъ толпы народа, какъ-то: законъ и вѣру, правосудіе человѣческое и судъ Божій, упреки совѣсти и проклятія народовъ; онъ холоденъ ко всему, что до личной и истинной пользы и чести его касается, какъ-то: къ жизни спокойной и безмятежной, къ любви своихъ подданныхъ, къ добруму о себѣ мнѣнію современниковъ и потомства; онъ не дорожитъ личною безопасностію и жизнію, но только хранить въ себѣ идолъ, который уготовляетъ на поклоненіе вселенной. Каковъ бы ни былъ сей предметъ его дѣятельности для страждущаго человѣчества: по понятію славнаго берлинскаго эстетика, Н. есть истинный герой.

Сего довольно, чтобы почувствовать, какаю была бы язва для общества, еслибы эстетическія разсужденія образовали хотя одного героя по разуму Ансильона.

Слова автора:

Стр. 51. Въ сихъ идеяхъ (то-есть въ слѣдующихъ: Богъ или религія, истина или познаніе, красота или искусство, благородство или добродѣтель, благо общественное или человѣчество, національная свобода и отечество) скрывается нѣчто досточтимое, небесное и духовное.

Примѣчаніе. Въмѣсто послѣдняго слова *духовное*, съ подлинника надлежитъ читать: *божественное*. Конечно, переводчикъ нашелъ сіе слово здѣсь неумѣстнымъ: но перемѣна одного слова сдѣлала ли автора лучшимъ? Разложимъ его многосоставное положеніе на части. Вотъ первое предложеніе: въ идеѣ — Богъ или религія скрывается нѣчто досточтимое, небесное и божественное. Какаю истина! Какое открытіе! Въ идеѣ: Богъ—скрывается нѣчто божественное! Шутить ли авторъ симъ тождествомъ, или открываетъ искренно свою мысль, что хотя онъ не ручается за достовѣрность сихъ понятій: Богъ или религія, однако противъ воли своей находитъ въ нихъ нѣчто досточтимое, небесное и божественное?

Вотъ еще предложеніе: въ идеѣ красоты или искусства есть нѣчто досточтимое, небесное и божественное. Тотъ, кто говоритъ такимъ образомъ, конечно не относитъ къ себѣ сихъ словъ первой заповѣди Божіей: да не будутъ тебѣ Бози инии, развѣ Мне.

Черезъ нѣсколько словъ, послѣ приведенныхъ здѣсь, у автора находятся слѣдующія слова, опущенныя переводчикомъ: Богъ есть

безконечное по превосходству, котораго причастны все эти предметы, и которое сообщает имъ черты своей покланяемой сущности. Если Богъ есть безконечное только по превосходству, то конечно есть другое низшей степени безконечное, или еще многія безконечныя, одно другаго безконечнѣе. И если Богъ сообщаетъ черты своей покланяемой сущности многимъ предметамъ, въ числѣ которыхъ авторъ полагаетъ и красоту, то можно надѣяться, что онъ одобритъ и поклоненіе красотѣ, какъ Богу. Пусть же люди не такъ сильные въ эстетикѣ, какъ онъ, изслѣдуютъ и рѣшатъ, всебожіе ли проповѣдуетъ онъ, или безбожіе?

Слова автора:

Тамъ же. Не ложно говорить, что есть религія истины, красоты, нравственности и патриотизма.

Примѣчаніе. Отдѣлимъ опять одну часть отъ многосоставнаго положенія: *есть религія красоты*. Какое злоупотребленіе священнаго имени *религіи*! Можно ли религіею называть чувствованіе производимое статуею Аполлона Бельведерскаго, или какимъ-нибудь изображеніемъ другаго языческаго божества, котораго самымъ именемъ оскорбляется скромный слухъ, какъ бы оно чувствованіе ни было утончено? Согласимся, что есть религія красоты только для тѣхъ, у которыхъ нѣтъ религіи, имѣющей предметомъ истиннаго Бога: но и ту не пристойнѣе ли было бы называть *идолопоклонствомъ красоты*?

Слова автора:

Стр. 89. Дикіе изображаютъ намъ тотъ златый вѣкъ человечества, съ котораго долженствовало воспріять свое начало существованіе онаго, и къ которому оно должно возвратиться, послѣ продолжительныхъ отъ него устраниній.

Примѣчаніе. Не весьма удивительно то, что авторъ существованіе человечества начинаетъ въ своемъ понятіи *златымъ вѣкомъ дикости*: слѣдуя своей *религіи красоты*, онъ, можетъ-быть, предпочиталъ вымышленныя стихотворцами теогоніи и космогоніи повѣствованіямъ священныя книгъ. Но жаль, что переводчикъ, который, конечно, читалъ книгу *Бытія* со вниманіемъ, оставилъ Ансильона въ несогласіи съ Моисеемъ, по сказанію котораго существованіе человечества началось состояніемъ премудрости и совершенства; вѣки же дикости были уже слѣдствіемъ устраниній отъ первоначальнаго закона бытія человеческого. Особенно же удивительно, что, по мнѣнію автора, человечество должно *возвратиться къ златому вѣку дикости*. Неужели по-

длинно громкія разсужденія о безконечномъ, о высокомъ, о прекрасномъ, и потомъ о безпритворствѣ, о простотѣ и проч. должны вести учениковъ нѣмецкаго эстетика къ *златому вѣку дикости*?

Слова автора:

Стр. 145. Безконечное мысли совѣмъ не состоитъ въ предметахъ безконечныхъ по своей сущности; каковы суть: Богъ, вселенная, вѣчность.

Примѣчаніе. По мнѣнію автора, *вселенная*, также какъ и *Богъ*, есть *безконечное по своей природѣ и сущности*. Но можно ли *вселенную* и *Бога* равнѣ называть *безконечнымъ* по своей природѣ и сущности? Развѣ Богъ и вселенная равны между собою въ своей природѣ и сущности? Можно ли, хотя какъ-нибудь, называть вселенную *безконечнымъ* по своей природѣ и сущности? Все, что не есть самобытное, не есть и безконечное по своей природѣ и сущности; ибо зависимость бытія есть уже конечность, или ограниченность самой природы и сущности: но вселенная не есть самобытна. Всякая природа или сущность не есть безконечная, когда есть надъ нею высшая и болѣе совершенная сущность; ибо сущность низшая, въ сравненіи съ высшею, нѣкоторыхъ вещественностей (realities) не имѣетъ, и слѣдственно имѣетъ предѣлы, или, что тоже, есть конечная; но кто не знаетъ, что сущность вселенная не есть высочайшая, имѣя надъ собою всевысочайшую и всесовершенную сущность Божества? Изъ сего видно, что *вселенная* отнюдь не есть *безконечное по своей природѣ и сущности*. Чтобы признать ее таковою, надобно смѣшать и слить ея природу и сущность съ сущностію Божества (такъ какъ, по ученію здравой философіи, два безконечныхъ существенныхъ и быть не могутъ), надобно представить вселенную только явленіемъ или модификаціею Божества: т.-е., надобно, чтобы Ансильонъ былъ пантеистъ.

Слова автора:

Стр. 163. Она (религія христіанская) основывается на отвлеченностяхъ.

Примѣчаніе. Основывать религію христіанскую на *отвлеченностяхъ*, значить основывать ее на одномъ разумѣ: поелику отвлеченности суть дѣло разума; основывать же христіанскую религію на одномъ разумѣ, значить испровергать ее, и поставлать на мѣсто ея мечтательную религію натуральную. Истинная христіанская религія основывается на *Откровеніи*, а откровеніе конечно не есть *отвлеченіе*. Она основывается, яко на красуголь-

номъ каменн, на Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ, а Онъ не есть *отвлеченная идея*, но существо дѣйствительное, истинный Богъ и истинный человѣкъ.

Слова автора:

Тамъ же. Въ среднихъ вѣкахъ заняли (христиане) отъ религій языческой нѣкоторую часть обрядовъ ея и празднествъ—собственныхъ ея произведеній, и прилагая ихъ къ христианству, старались дать ему нѣчто болѣе чувственное.

Примѣчаніе. Можно согласиться, что христиане среднихъ вѣковъ дали своей религій нѣчто болѣе чувственное, и сіе сдѣлано пастырями по благочестивому впрочемъ снисхожденію къ понятіямъ простаго народа. Но говорить, что *христиане заняли отъ религій языческой нѣкоторую часть ея обрядовъ и празднествъ, и приложили ихъ къ христианству*, есть представлять христианъ подражателями язычниковъ и ругаться надъ церковію: ибо подъ именемъ *христианъ*, конечно, здѣсь разумѣется не расколъ какой-либо или секта, но церковь. Если бы обряды и празднества христианской церкви заимствованы были отъ религій языческой, то какое бы можно было имѣть къ нимъ уваженіе? Можно ли было бы даже терпѣть ихъ безъ оскорбленія самой вѣры?

Если христианская церковь въ установленіи обрядовъ и празднествъ имѣла образецъ, которому подражала, то имѣла его въ обрядахъ и празднествахъ церкви ветхозавѣтной, установленныхъ отъ Самого Бога. Съ чего же еще взять эстетикъ, не въ добрый часъ сдѣлавшійся археологомъ, утверждать, что *обряды и празднества суть собственные произведенія религій языческой*?

Слова автора:

Тамъ же. Источникъ, изъ котораго истекаетъ она (христианская религія), существо, которому научаетъ поклоняться способности человѣка, цѣль, къ которой руководствуетъ, средства, которыя употребляетъ, враги, съ коими борется, награды и наказанія, коими сопровождаетъ законоположеніе свое, все въ ней равно невещественно, невидимо.

Примѣчаніе. Здѣсь между прочимъ утверждаетъ авторъ, что *средства, которыя употребляетъ религія христианская, суть равно невещественны и невидимы*, такъ и ея источникъ и цѣль. Читая сіе, подумаешь, что онъ знаетъ христианскую религію только по догадкамъ, а самъ и не видывалъ и не слыхивалъ христианскихъ учителей. Ибо не всѣ ли христиане, какого бы ни было исповѣданія, признаютъ, что *спасительныя средства* (media sa-

lutis), которыя употребляетъ христианская религія, суть *Слово Божіе и таинства* (verbum et sacramenta?) Какъ же говорить эстетическій изслѣдователь христианства, что *христианская религія употребляетъ только невещественныя и невидимыя средства*? Развѣ въ крещеніи нѣтъ ничего вещественнаго? Развѣ въ свхаристіи нѣтъ видимаго? Или онъ не признаетъ сихъ таинствъ спасительными *средствами* христианской религій?

Слова автора:

Стр. 172. Въ большей части обществъ новѣйшихъ политическая свобода почти совершенно исчезла. Одинъ человѣкъ является, хочетъ, дѣйствуетъ; другіе не что иное суть, какъ послушныя орудія, вѣрные исполнители его повелѣній.

Примѣчаніе. Да услышать бюстители общественнаго благоустройства и спокойствія, какія наставленія преподаетъ народамъ учитель прекраснаго и высокаго. Въ большой части обществъ новѣйшихъ, говоритъ онъ, политическая свобода почти совершенно исчезла. Но почему такъ? Потому, что въ нихъ одинъ человѣкъ хочетъ, дѣйствуетъ; другіе не что иное суть, какъ послушныя орудія, вѣрные исполнители его повелѣній. А какъ называется общество, въ которомъ одинъ человѣкъ хочетъ, дѣйствуетъ, а прочіе суть послушныя орудія и вѣрные исполнители его повелѣній? Это монархія. И такъ, по мнѣнію г. Ансильона, въ новѣйшихъ обществахъ политическая свобода исчезла потому, что правленіе ихъ есть монархическое? И такъ политическая свобода только въ республикахъ? Только тамъ, гдѣ нѣтъ ни *послушныхъ орудій* власти, ни *вѣрныхъ исполнителей повелѣній*? Только въ мятежахъ и ужасахъ революцій?

Слова автора:

Стр. 178. Она (христианская религія) возвратила женскому полу природное его достоинство, и извлекла изъ оковъ, въ которые ввергли его общественныя постановленія и всеобщая грубость нравовъ. Рыцарство довершило дѣло религій, облекши самую сильнѣйшую страсть въ нравственную красоту.

Примѣчаніе. Что студная и неистовая страсть облекается въ наши времена призракомъ нравственной красоты, сіе, говоритъ авторъ, есть дѣло рыцарства въ своемъ совершеніи, а въ своемъ началѣ дѣло христианской религій. Какая клевета на чистѣйшую религію!

Пишущій сіи замѣчанія не выписываетъ болѣе одного сего мѣста изъ разсужденія о *вліяніи женскаго пола на новѣйшую поэзію*,

стр. 174—182, опасаясь, чтобы не оскорбить скромности. Кто будет имѣть терпѣніе прочитать указанныя страницы, тотъ пожалѣетъ, что многіа иже на соблазнительнѣйшихъ писателей и многіа слишкомъ плотскіа и нечистыя понятія, въ преложеніи осквернили перо, уготовляемое для начертанія вещей духовныхъ и высокихъ.

Слова автора:

Стр. 186. Онъ (вѣкъ невинности) не болѣе существовалъ въ древнемъ мірѣ, какъ и въ нашемъ.

Примѣчаніе. Мысль, что вѣкъ, или состояніе невинности не существовало, есть ложная и даже богохульная: ложная, ибо Слово Божіе описываетъ человѣка сотвореннымъ въ состояніи невинности; богохульная, ибо и прилично ли святости Божіей произвести человѣка на свѣтъ иначе, какъ въ состояніи невинности?

Слова автора:

Стр. 254. Руссо имѣлъ душу благочестивую, хотя и являлъ часто духъ невѣрія.

Примѣчаніе. Можно ли человѣку имѣть душу благочестивую и являть часто духъ невѣрія? Чувствовать, какъ христіанинъ и мыслить, какъ язычникъ или безбожникъ? Любить и чтить Бога, но не вѣрить Его дѣламъ?

Если сіе возможно, то авторъ, вѣроятно, нашелъ сію возможность въ самомъ себѣ, и разлилъ въ своихъ разсужденіяхъ духъ невѣрія, не опасаясь оскорбить душу благочестивую.

Общее примѣчаніе.

Здѣсь выписаны изъ г. Ансильона только тѣ мѣста, которыхъ несогласіе съ вѣрою, нравственностію и гражданственностію безъ затрудненія усматривается: дабы каждый удобно могъ повѣрить мнѣніе писавшаго примѣчанія своимъ сужденіемъ. Кто пожелаетъ разсматривать эстетическіа разсужденія съ болѣе глубокимъ изслѣдованіемъ, для того еще осталась на семъ полѣ богатая жатва лжи и заблужденія.

№ 2.

Коммиссія духовныхъ училищъ.

Предложеніе.

Получивъ извѣщеніе, что книга, подъ заглавіемъ: Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души, печатается въ типографіи

гражданской, по пропущеніи ея цензурою с.-петербургской академіи духовной, и что содержаніе оной должно обратить вниманіе правительства, я немедленно написалъ къ отцу архимандриту Иннокентію, ректору с.-петербургской семинаріи, чтобы онъ удержалъ выдавать на сію книгу билетъ для выпуска изъ типографіи и мнѣ оную доставить. О. Иннокентій отвѣчалъ мнѣ, что, хотя билетъ выданъ, но его вытребуешь обратно, и одинъ экземпляръ мнѣ сей книги доставить.

Признаюсь, что я удивленъ былъ, какъ могла такого содержанія книга быть духовною цензурою одобряема; авторъ къ сужденію о безсмертіи души на гробѣ младенца привязалъ защищеніе нашей грекороссійской церкви тогда, какъ никто на нее не нападаетъ. Церковь не имѣетъ нужды, чтобы частный человѣкъ бралъ ее подъ свое покровительство, особливо съ той точки, съ которой написано все сочиненіе. Защищеніе наружной церкви противъ внутренней наполняетъ всю книгу: раздѣленіе не понятное въ христіанствѣ! Ибо наружная безъ внутренней церкви есть тѣло безъ духа. Вообще понятіе о церкви представлено въ превратномъ видѣ. Ибо гдѣ говорится о церкви, что одно духовенство принимается за оную?

Между прочимъ упоминается объ извѣстной распрѣ между Боссуэтомъ и Фенелономъ, и сей послѣдній обвиняется въ лжеученіи. Однимъ словомъ, книга сія противна началамъ, руководствующимъ христіанское наше правительство по гражданской и духовной части.

Изъ сего изложенія коммиссія духовныхъ училищъ усмотритъ, что мнѣ нельзя было оставить сіе дѣло негласнымъ, тѣмъ болѣе, что безъ Высочайшаго разрѣшенія я только на время могъ оставить сочиненіе уже напечатанное.

Для сего представилъ книгу сію съ замѣченными мною листами на усмотрѣніе Государя Императора. Его Величество весьма недоволенъ, что въ цензурѣ духовной академіи, по новому ея образованію, могла быть одобрена книга, исполненная такого духа. Цензору же архимандриту Иннокентію, разсматривавшему оную, сдѣлать строжайшій выговоръ за его неосмотрительность, отъ него менѣе ожидаемую, по мѣсту имъ занимаемому. Государь Императоръ надѣется, что коммиссія духовныхъ училищъ приметъ мѣры, чтобы подобныя сочиненія, стремящіяся истребить духъ внутренняго ученія христіанскаго, не могли выходить изъ цензуры, находящейся въ ея вѣдомствѣ.

Князь Александръ Голицынъ.

№ 19,

6 января, 1819 года.

№ 3.

Высочайшій указъ, данный на имя министра народнаго просвѣщенія его высокопревосходительства А. С. Шникова.

Въ указѣ нашемъ, данномъ Правительствующему Сенату февр. въ 9 день 1802 года, между прочими постановленіями о разсматриваніи и печатаніи книгъ во второмъ пунктѣ объявлено, чтобы не было ничего въ нихъ противнаго законамъ Божиимъ и гражданскимъ, и того же указа въ 3 пунктѣ изображено, что принадлежитъ до книгъ церковныхъ, и вообще къ вѣрѣ относящихся, въ изданіи ихъ поступать на точномъ основаніи указа 27 іюля 1787 г. Нынѣ по случаю препровожденной къ новгородскому и с.-петербургскому митрополиту на разсмотрѣніе книги подъ названіемъ: Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души, изъ донесенія его усмотрѣно Мною, что въ противность упомянутымъ указамъ многія къ вѣрѣ относящіяся книги, часто въ себѣ содержащія ложныя и соблазнительныя о Св. Писаніи толкованія, печатались въ частныхъ типографіяхъ безъ всякаго синодскаго разсмотрѣнія, и что напротивъ того книги въ духѣ православной нашей вѣры написанныя подвергались строгому запрещенію. Такимъ образомъ и помянутая книга подъ названіемъ: Бесѣда на гробѣ младенца была запрещена и отобрана.

Вслѣдствіе снхъ отступленій отъ вышеупомянутыхъ данныхъ Нами указовъ и воспослѣдовавшаго отселѣ вреднаго для просвѣщенія и нравственности направленія, повелѣваемъ вамъ войти въ строгое наблюденіе, дабы какъ въ изданныхъ, такъ и впредь издаваемыхъ сочиненіяхъ и переводахъ, особливо же въ преподаваніи по училищамъ наукъ ничего, колеблющаго вѣру и благонравіе, не укрывалось. Народное благоденствіе много отъ сего пострадать можетъ, и потому обязаны вы предъ Богомъ и предъ Нами употребить неусыпный за симъ надзоръ, истребляя и обличая разсѣянныя въ книгахъ или иначе внушаемыя лжеученія и не допуская ни въ какомъ видѣ существовать и вновь появляться онымъ. Въ важнѣйшихъ случаяхъ вы не оставите доводить сіе до Нашего свѣдѣнія. Вышеозначенную книгу: Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души, запрещенную и послѣ митрополитомъ разсмотрѣнную и одобренную, повелѣваемъ дозволить печатать и продавать.

На подлинномъ. ообственною Его Императорскаго Величества рукою написано тако:

АЛЕКСАНДРЪ.

С.-Петербургъ.

17 ноября 1824 года.

Изъ журнала *Православное Обозрѣнiе* 1868 года.

Печатать позволяется. Москва, сентября 14 дня 1868 года.

Цензоръ Докторъ Богословiя Протоiерей *И. Терновскiй*.